

Арчи Браун
Оксфордский университет

Михаил Горбачёв: преобразующий лидер

Для того чтобы я назвал того или иного политического лидера «преобразующим», он должен соответствовать очень высоким требованиям. Я определяю таких лидеров как «тех, кто играет решающую роль в проведении *системных изменений*, будь то изменения политической или экономической системы их стран или (что реже) изменения в системе международных отношений»¹. Слово «преобразующий» обычно имеет положительный оттенок и предполагает фундаментальную перестройку существовавшей ранее системы в качественно лучшую. Таким образом, можно провести различия между трансформационным и революционным лидерством, хотя в результате революций также могут произойти системные изменения. революция также может вести к коренному изменению системы. В привычном понимании термин «революция» предполагает насильственное свержение какого-либо режима. При этом чаще всего авторитарный режим сменяется другой формой авторитаризма².

Михаил Горбачёв, по своим убеждениям и темпераменту больше реформатор, нежели революционер, стал превосходным образцом преобразующего политического лидера менее чем за семь лет. Добиться этого ему удалось, ослабив абсолютную власть и делегировав множество своих полномочий, принадлежавших ему как Генеральному секретарю ЦК КПСС. По сравнению со всеми его предшественниками, занимавшими эту

1 Archie Brown. 2014. *The Myth of the Strong Leader: Political Leadership in the Modern Age*. New York: Basic Books, pp. 148–193, p. 148. (Перевод по изданию: Браун А. Типы лидеров. Определить, найти подход, добиться своего. — М.: Эксмо, 2019. — 416 с.).

2 Ibid., p. 148–149. Я добавил: «Безусловно, *все* чаяния преобразующих лидеров редко воплощаются в действительность. И совершенные ими системные изменения могут сохраняться в период правления их преемников лишь частично. Однако пропасть между утопической риторикой революционеров и последующим авторитаризмом намного шире».

Арчи Браун — почетный профессор политологии в Оксфордском университете. Его последняя книга — «Человеческий фактор: Горбачёв, Рейган, Тэтчер и конец холодной войны» (*The Human Factor: Gorbachev, Reagan, and Thatcher, and the End of the Cold War / Oxford University Press*, 2020).

должность, он куда больше полагался на свои политические навыки и силу убеждения. Когда политические реформы 1987–1988 гг. столкнулись с жесткой оппозицией, Горбачёв, вместо того чтобы пойти на уступки, сделал свою программу действий еще более радикальной, хотя были случаи, когда его обостренное политическое чутье подсказывало ему, что перед тем, как на два шага продвинуться вперед, нужно сделать шаг назад. В середине 1988 года Горбачёв приступил к качественному преобразованию советской политической системы. На XIX всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) он добился принятия резолюции, согласно которой в 1989 году в стране должны были состояться демократические выборы в новый наделенный реальными полномочиями законодательный орган. Это решение заложило основы плюрализма в СССР. К весне 1990 года, а возможно и раньше, политическая система Советского Союза стала качественно иной.

В своей статье для данного журнала Горбачёв пишет, что, когда он стал Генеральным секретарём ЦК КПСС, руководство партии «знало, что требуются масштабные, кардинальные изменения» и что «в руководстве страны на этот счет царило полное единодушие». Все члены политбюро признавали, что пришла пора вновь двигать страну вперед и, вероятно, даже могли согласиться с целью «сделать людей хозяевами своей судьбы, своей страны», поскольку общий характер обстановки в то время не подразумевал, что им придется делать какой-то трудный выбор. Однако уже с самого начала, с 1985 года, разные члены партийного руководства понимали перестройку по-разному, а понимание этого понятия Горбачёвым и его ближайшим окружением с течением времени становилось всё более обширным. Когда всплыли проблемы коренных институциональных изменений в экономике и начала набирать обороты масштабная демократизация, глубокие различия во взглядах внутри правящих кругов и более широкого круга политической элиты стали слишком явными, чтобы продолжать закрывать на них глаза. Как отмечает в своей статье сам

Горбачёв, мнимое единство пошатнулось, как только он и те, кого он называет своими «единомышленниками» в руководстве партии, предприняли конкретные шаги в сторону реформ. На январском Пленуме ЦК КПСС 1987 года политические реформы были решительно вынесены на повестку дня, в результате чего «начинается тяжелая борьба в КПСС между реформаторским и антиреформаторским крылом».

Несмотря на то, что изначально Горбачёв больше склонялся к необходимости экономической реформы, нежели политической, приоритет все же был отдан изменению политической системы как в идеологическом, так и в практическом плане. Только Генеральный секретарь был вправе снять запрет на принятие концепции «плюрализма», что Горбачёв в 1987 году и сделал³. «Социалистический плюрализм» и «плюрализм мнений», о которых Горбачёв благосклонно отзывался в тот год, к концу десятилетия переросли в «политический плюрализм». Даже первоначальное понятие «социалистический» не имело решающего значения, поскольку Горбачёв и его ближайшие советники постоянно переосмыслили и расширяли свое понятие социализма. Концептуальные новшества и политические преобразования шли рука об руку, и неудивительно, что в руководстве страны стала проявляться оппозиция в виде более консервативных коммунистов. Так, на заседании политбюро 15 октября 1987 года Гейдар Алиев раскритиковал наличие понятия «плюрализм» в проекте доклада, который Горбачёв должен был сделать на торжественном заседании, посвященном семидесятой годовщине Октябрьской революции, объявив, что это «идеологический термин», возникший на Западе⁴. Секретарь ЦК Анатолий Лукьянов заявил, что на Западе это означало «плюрализм власти»,

³ До того как Горбачев снял этот запрет, термин «плюрализм» редко использовался в советской литературе, а если и использовался, то только в отрицательном значении применительно к «буржуазной демократии» (или «ревизионистским тенденциям», приписываемым коммунистам-реформаторам периода «Пражской весны»).

⁴ Заседание политбюро ЦК КПСС 15 октября 1987 года «О проекте доклада на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции». — Коллекция Волкогонова, Архив национальной безопасности. — С. 155.

а «мы, коммунисты, партия, делиться властью ни с кем не будем»⁵. В том же году Горбачёв исключил Алиева из политбюро. Лукьянов остался на руководящих позициях и сотрудничал с путчистами, пытавшимися в августе 1991 года захватить власть, взяв Горбачёва под домашний арест.

Двумя столпами советской коммунистической системы были, во-первых, монополия Коммунистической партии на власть (официальным эвфемизмом для этого явления служило такое понятие, как «ведущая роль партии»), а во-вторых, строгая иерархия и дисциплина внутри этой партии, а также в обществе в целом (такую жестко централизованную и далекую от демократического режима систему называли «демократический централизм»). Несмотря на то, что Лукьянов и многие коммунисты консервативного толка настаивали на том, что нельзя менять монополию партии на власть, Горбачёв все же отказался использовать прерогативы своего положения для предотвращения появления независимых политических партий. В 1990–1991 гг. Горбачёв подвергся особенно жестким нападкам с разных сторон, хотя многочисленные попытки подорвать доверие к нему и его политике предпринимались еще задолго до этого. Так, в марте 1988 года Егор Лигачев (совсем недавно, 7 мая 2021 года, он скончался в возрасте 100 лет), который сначала был союзником Горбачёва, использовал ресурсы Секретариата ЦК для продвижения написанной в духе неосталинизма небезызвестной статьи Нины Андреевой, опубликованной в газете «Советская Россия»⁶. Эта статья, как пишет Горбачёв, была, по сути, своего рода «антиперестроечным манифестом». Вместо того чтобы приспособиться к критике со стороны реакционеров, Горбачёв, при содействии своих соратников Александра Яковлева и Георгия Шахназарова,

5 Там же. С. 178.

6 Андреева Н. А. Не могу поступаться принципами. — Советская Россия, 13 марта 1988 года. *Суть и цели этой статьи были тщательно проанализированы в документе, подготовленном Александром Яковлевым (бывший член политбюро ЦК КПСС, исследователь истории СССР) для обсуждения Политбюро. Документ лег в основу статьи, анонимно опубликованной в газете «Правда» 5 апреля, в которой осуждалась попытка Андреевой повернуть время вспять. Полный текст документа, представленный по инициативе Горбачева в Политбюро, был опубликован в сборнике: Яковлев А. Н. Перестройка: 1985–1991. Документы: неизданное, малоизвестное, забытое. — М.: Международный фонд «Демократия», 2008. — С. 192–200.*

радикально изменил политическую повестку дня в ходе подготовки документов и резолюций для XIX партийной конференции, проходившей с 28 июня по 1 июля 1988 года.

Плюрализм в советской политике развивался полным ходом уже в 1989 году, еще до того, как в начале следующего года из Конституции СССР было изъято упоминание о монополии Коммунистической партии на власть. В феврале 1990 года, на Пленуме ЦК Горбачёв получил поддержку за предложение упразднить статью Конституции, гарантировавшую партии «руководящую роль», а изменения в основной закон страны были внесены новым законодательным собранием в марте того же года⁷. Политбюро оставалось высшим коллективным руководящим органом внутри партии, но больше не являлось высшим политическим органом страны. Централизованная власть фактически перешла от партии к государственным институтам. От «демократического централизма» Горбачёв отказался еще раньше, накануне первых выборов Съезда народных депутатов СССР в марте 1989 года. После того как в Коммунистической партии были разрешены открытые дебаты и члены партии на базе разных политических взглядов начали конкурировать между собой за места в законодательном органе, роль партии в советском обществе уже никогда не могла стать прежней. Принципиальные разногласия между членами КПСС в новом законодательном органе сразу стали очевидными.

Горбачёв использовал по максимуму целый ряд привилегий, которые старая гвардия терпеть не могла. Он воспользовался своими полномочиями Генерального секретаря, — которые были практически безграничны до тех пор, пока к 1990-1991 гг. существенно не сузились в результате проведенных им самим системных изменений политической системы, — с целью утверждения быстрого перехода от гласности к свободе слова, за которой

⁷ На пленуме в феврале 1990 года Горбачев также вышел за рамки «социалистического плюрализма», которого он придерживался с 1987 года, и положительно высказался о «политическом плюрализме», в целом признав, что в рамках новой политической системы другие партии смогут соревноваться за власть. См.: Браун А. Семь лет, которые изменили мир: перестройка в перспективе [Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective]. — Оксфорд: Oxford University Press, 2007. — С. 306–309, особенно С. 307–308.

почти сразу же последовала свобода печати. Он поддерживал свободу вероисповедания и свободу международного общения. Особенно важно то, что он поддерживал свободу интеллектуальной деятельности и свободу политических дискуссий. Горбачёв начал руководство страной с некоторой идеализации Ленина, особенно Ленина в последние годы, когда тот начал новую экономическую политику (НЭП). И всё же от марксизма-ленинизма как от господствующей идеологии было решено отказаться и заменить его на открытую и гораздо более социал-демократическую идеологию Нового мышления, которой придерживался сам Горбачёв⁸. В новых условиях «плюрализма мнений» этой идеологии пришлось конкурировать с широким спектром политических доктрин, включая национализм различного толка (что было наиболее опасно для сохранения единства государства).

В октябре 1990 года в разговоре с председателем правительства Испании социалистом Фелипе Гонсалесом, которому Михаил Сергеевич весьма симпатизировал⁹, Горбачёв сказал, что «социализм» для него означает «движение к свободе, развитие демократии, создание условий для лучшей жизни народа, это возвышение человеческой личности». Он добавил: «В этом смысле я был и остаюсь социалистом»¹⁰. Во второй половине 1980-х гг. Горбачёв превратился из коммуниста-реформатора в социалиста социал-демократического типа. Он стал разделять мнение большинства европейских демократических социалистов о том, что неверно было бы рассматривать советскую коммунистическую систему как «социалистическую». «Лозунги — да!» — написал он позже. «Элементы социализма есть, но не больше»¹¹.

8 Браун А. Стал ли Горбачев социал-демократом на посту Генерального секретаря? [Did Gorbachev as General Secretary Become a Social Democrat?]. — Европейско-азиатские исследования, 65 (2), 2013. — С. 198–220.

9 Когда в конце 1991 года Андрей Грачев (последний пресс-секретарь Горбачева) спросил его, кто из зарубежных деятелей ему ближе всего, он не задумываясь сказал: «Гонсалес», добавив сразу же: «... хотя и с остальными — Бушем, Колам, Миттераном, Тэтчер, а с недавнего времени и Мейджором — сложились не просто деловые, но и сердечные отношения. Но с Гонсалесом — особенно». (Грачев А. С. Кремлевская хроника. — М.: Эксмо, 1994. — С. 247).

10 Горбачев М. С. Доверительный разговор: Беседа с председателем правительства Испании Ф. Гонсалесом состоялась в Мадриде 16 октября 1990 г. Из книги: Горбачев М.С. Годы трудных решений. — М.: Альфа-принт, 1993. — С. 239.

11 Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас / М. С. Горбачёв. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. — 400 с. — С. 25.

Иногда можно встретить мнение о том, что, если бы в 1985 году Горбачёв не пришел к власти, аналогичные реформы был бы вынужден начать другой член Политбюро. Это утверждение очень далеко от истины. Опираясь на биографии, воспоминания, интервью, публичные выступления и отдельные высказывания тех, кто на момент смерти Константина Черненко 10 марта 1985 года был действительным членом Политбюро, мы можем сделать вывод о том, что никто из них не выбрал бы путь демократизации. Никто другой из членов Политбюро не дал бы повода ожидать предоставления большей политической независимости в Восточной Европе, как это сделал Горбачёв внутренними реформами и преобразованием советской внешней политики. Можно с полной уверенностью исключить возможность того, что они заявили бы, как это сделал Горбачёв, что народ каждой страны имеет право самостоятельно решать, в какой политической и экономической системе он хочет жить. Особенно ясно эта «свобода выбора» отразилась в его речи, произнесенной 7 декабря 1988 года в Организации Объединенных Наций. Вместе с окончанием выступления Горбачёва прекратила свое существование и прежняя советская доктрина. В тот день его речь в ООН на английский язык переводил Павел Палажченко (он и сегодня работает с Горбачёвым в качестве переводчика и советника), который в 2020 году писал: «Перечитывая эту речь сегодня, трудно найти в ней даже намек на „марксизм-ленинизм“»¹².

После того как Горбачёв в январе 1989 года вновь напомнил бывшему госсекретарю США Генри Киссинджеру, бывшему президенту Франции Валери Жискар д'Эстену и бывшему премьер-министру Японии Ясухиро Накасонэ о том, что каждая страна имеет «свободу выбора», один из его ближайших соратников, Вадим Медведев, которого Михаил Сергеевич включил в состав Политбюро, предупредил о наступающем «в Восточной Европе кризисе». «Что бы то ни было, — ответил Горбачёв, — они должны

¹² Павел Палажченко. Он хотел внедрить в политику мораль. — Мир перемен, 4, 2020. — С. 119–124. — С. 122.

сами решить, как жить»¹³. Так и произошло в 1989 году. Слова и действия Горбачёва послужили как стимулом, так и благоприятным условием для кардинальных изменений в Центральной и Восточной Европе. Народы этого региона сменили бы правительства в своих странах на многие десятилетия раньше, если бы не реальные обстоятельства, которые они прекрасно осознавали, — за такой переменной обязательно последовало бы советское военное вмешательство, как это было в Венгрии в 1956 году и Чехословакии в 1968 году.

В своей речи в ООН в декабре 1988 года Горбачёв отметил, что «односторонний упор на военную силу» в конечном счете «ослабляет другие компоненты национальной безопасности». Он сказал, что «свобода выбора» — это «всеобщий принцип», в котором не должно быть исключений. Однако он добавил, что демократические ценности в «экспортном исполнении» зачастую очень быстро обесцениваются¹⁴. Требованием нового этапа стала «деидеологизация межгосударственных отношений», в которых должно быть верховенство общечеловеческой идеи над бесчисленным множеством центробежных сил ради «сохранения жизнеспособности цивилизации, возможно, — единственной во Вселенной»¹⁵. Горбачёв стал преобразующим лидером как для СССР, так и для стран Восточной Европы, вселив надежду и приняв последовавшую декоммунизацию региона. Впоследствии непримиримые коммунисты и некоторые русские националисты обвиняли его в «сдаче» Восточной Европы. На это он отвечал примерно так: «Кому мы ее отдали? Тем, кому она принадлежит»¹⁶.

13 Pavel Palazhchenko. *My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoirs of a Soviet Interpreter*. — Pennsylvania State University Press, 1997. — P. 127.

14 Горбачев М. С. Выступление в Организации Объединенных Наций. Из: М. С. Горбачев. *Избранные речи и статьи*, том VII. — М.: Политиздат. — С. 188.

15 Там же. С. 189.

16 Горбачев М. С. *О моей стране и мире [On My Country and the World]*. — Нью-Йорк: Columbia University Press, 1999. — С. 206. *Он отметил, что народы Восточной Европы выбрали свой собственный путь развития, основанный на национальных интересах, и это вполне понятно, поскольку система, существовавшая в Восточной и Центральной Европе, была осуждена историей, как и система в нашей собственной стране»* (там же).

Народы стран Центральной и Восточной Европы — за исключением Румынии, где диктаторский режим Николае Чаушеску привел к жестоким репрессиям и закончился его казнью, — в 1989 году смогли мирным способом воспользоваться свободой выбора и избрать свой политический и экономический путь развития. Отстранение от власти коммунистических лидеров и признание национальной независимости ознаменовали окончание холодной войны, самым ярким проявлением которой стало разделение Европы, сохранявшееся с тех пор, как после Второй мировой войны в этих странах был установлен просоветский режим.

Немногие главы государств в 1980-х гг. уделяли столько внимания проблемам окружающей среды и экологии, как Горбачёв. Во время выступления в ООН Горбачёв подчеркнул существование «мировой экологической угрозы», из-за которой ситуация с экологией во многих регионах стала «просто устрашающей», и призвал создать центр срочной экологической помощи при Организации Объединенных Наций¹⁷. Он говорил о необходимости поиска «общечеловеческого консенсуса в движении к новому мировому порядку», поясняя, что прогресс не должен достигаться «ни за счет ущемления прав и свобод человека и народов, ни за счет природы»¹⁸.

Можно сделать вывод о том, что холодная война завершилась *идеологически* после этого выступления Горбачёва в ООН, *фактически* — когда в течение 1989 года жители стран Восточной Европы получили свободу политического выбора, о которой Горбачёв говорил годом ранее, и *символически* — в декабре 1989 года на Мальтийском саммите во время встречи Президента США и Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза. По его завершении Горбачёв и президент США Джордж Буш-старший, выступая как партнеры, а не как противники, дали

¹⁷ Горбачев М. С. Выступление в Организации Объединенных наций. – С. 193.

¹⁸ Там же. С. 187.

совместную пресс-конференцию — первое подобное мероприятие с совместным участием глав США и СССР¹⁹.

В отличие от Дэн Сяопина, который считается преобразующим лидером благодаря тому, что осуществил в Китае переход от плановой экономики к рыночной и обеспечил повышение уровня жизни нескольких сотен миллионов китайцев, заслуга Горбачёва как преобразователя основывается на его политических, а не экономических достижениях. Как он отмечает в своей статье в журнале “*Demokratizatsiya*”, советское руководство не спешило внедрять реформы, необходимые для перехода к рыночной экономике, хотя многие критики Горбачёва недооценивают силу заинтересованных ведомств, противостоявших переходу к рыночным ценам. Действительно, сам Горбачёв в первые годы руководства страной выступал не за радикальный переход от плановой экономики к рыночной, а за постепенное внедрение ее отдельных элементов. Однако существовало противоречие между попытками улучшить работу существующей системы и переходом к другому экономическому укладу, основанному на иных принципах работы.

Лишь в 1990 году Горбачёв, отчасти под влиянием Николая Петракова (его помощника по экономическим вопросам в том году), пришел к выводу, что плановую экономику нужно заменить рыночной²⁰. Но даже тогда за принятием этой мысли в теории не последовало ее реализации на практике. Партийно-государственные структуры и те многие другие ведомства, которые были заинтересованы в сохранении существующей экономической системы, ожесточенно сопротивлялись полномасштабному переходу к рыночной экономике. Более того, ключевым компонентом перехода к рыночной экономике была либерализация цен, а поскольку цены на многие

¹⁹ Подробнее см.: Браун А. Человеческий фактор: Горбачев, Рейган, Тэтчер и окончание холодной войны [Brown A. The Human Factor: Gorbachev, Reagan, and Thatcher, and the End of the Cold War.]. – Оксфорд и Нью-Йорк: Oxford University Press, 2020. – С. 218–309.

²⁰ Однако для Горбачева рыночная экономика должна была быть отнюдь не той системой с высокой степенью неравенства, которая понравилась бы президенту США Рональду Рейгану и премьер-министру Великобритании Маргарет Тэтчер. Гораздо большее впечатление на него произвели социальная рыночная экономика Западной Германии и социал-демократические экономические модели скандинавских стран. Проблема была в том, как именно перейти к чему-то подобному.

основные продукты питания и услуги в значительной степени были субсидируемыми, эта мера на первых порах значительно ухудшила бы жизнь большинства людей, прежде чем что-либо поменялось в лучшую сторону. Неудивительно, что в 1990 году Горбачёв искал компромиссное решение экономической проблемы, ибо в последние два года существования Советского Союза былая популярность Горбачёва и перестройки резко упала. Всем надоел всеобщий дефицит, и резкий скачок цен вызвал бы еще большее недовольство²¹. Оглядываясь назад, Горбачёв, вероятно, прав, утверждая в своей статье для этого журнала, что период 1987–1988 гг. мог бы стать «самым благоприятным в экономическом и политическом отношении моментом», чтобы провести по-настоящему масштабные экономические реформы, а не технократическую реструктуризацию, инициированную Председателем Совета министров Николаем Рыжковым.

Однако, начиная с 1987 года и далее, политические перемены происходили гораздо быстрее, чем экономические, а с 1988 года они набрали еще больший темп. Эти перемены были стремительнее, чем Горбачёв или кто-либо другой мог ожидать в середине 1980-х гг. К 1990–1991 гг. события выходили из-под контроля Горбачёва, но даже тогда очень большое значение имело то, решит ли он применить силу, чтобы удержать Советский Союз от распада, или подавить стремление Германии к объединению. Однако такие вопросы, как выход союзных республик из состава СССР или объединение Германии, не вошли бы в политическую повестку дня без достижения плюрализма в советской политической системе и перемен во внешней политике СССР, благодаря которым страны Восточной Европы получили

²¹ Основная проблема заключалась в том, что реформаторская деятельность Николая Рыжкова, занимавшего пост председателя Совета министров с 1985 по 1990 год, оставалась по существу технократической и не выходила за рамки существующей экономической системы. Тем не менее именно Рыжков ежедневно отвечал за экономику и был человеком, перед которым несли ответственность главы многочисленных экономических ведомств (в подавляющем большинстве разделявшие его взгляды). Когда Николай Петраков сообщил Рыжкову, что в Государственном комитете по ценам больше нет необходимости, и поэтому его следует упразднить, Рыжков ответил: «Вы правы, но через несколько лет». В ответ Петраков сказал: «Николай Иванович, вы говорите о рынке так, как мы привыкли говорить о коммунизме — всегда когда-нибудь потом!» (Николай Петраков. Интервью Арчи Брауну. — Москва, 18 июня 1991 года).

возможность взять политическую судьбу в свои руки, в результате чего ожидания наиболее недовольных советских народов и жителей Восточной Германии лишь возросли.

Распад Советского Союза был незапланированным следствием перестройки, однако в то же время не было ничего неизбежного в попытке заменить то, что фактически лишь номинально было федерацией, на подлинно федеративное образование, объединившее большую часть союзных республик (хотя можно с полной уверенностью исключить возможность того, что три государства Прибалтики остались бы в составе этого союзного образования, каким бы демократическим оно ни было). Несомненно, благоприятные условия для распада Советского Союза были созданы при посредничестве Горбачёва, поскольку возникший либерализм, плюрализм политической системы и перемены во внешней политике, обеспечившие независимость восточноевропейских государств, воодушевили и предоставили новые возможности наиболее недовольным советским народам. Однако решающий удар по Советскому Союзу нанес именно Борис Ельцин, который в 1990 году поставил свои краткосрочные амбиции выше долгосрочных интересов страны, заявив о верховенстве российского законодательства по отношению к союзному и тем самым усилив сепаратистские тенденции в республиках. Случившийся в августе 1991 года путч невольно способствовал тому, что Ельцин сыграл ключевую роль в том, что подписание Союзного договора сорвалось, а единое государство превратилось в пятнадцать независимых стран.

Если страна достаточно велика, а ее ресурсов хватает, чтобы существовать как отдельное государство, размер ее территории, безусловно, значит гораздо меньше, чем то, насколько качественно это государство управляется, насколько часты в нем случаи коррупции и может ли правительство держать ответственность перед гражданами страны на свободных и справедливых выборах и в период между ними. Поскольку Россия остается крупнейшей страной мира и ее природные и человеческие

ресурсы достаточно велики, тот факт, что во многих отношениях она отошла от политического плюрализма и демократических ценностей, успехов, которых добились в период с 1988 по 1991 гг., значит намного больше, чем то, что ее территория стала на 25 % меньше территории СССР, воплотившего идею «Великой России». Как справедливо отмечает Горбачёв в данном номере журнала, «вообще перестройку надо оценивать не по тому, что она смогла или не успела дать, а по масштабам того поворота, которым она стала в многовековой истории России, по ее позитивным последствиям для всего мира».